

Чжоу Мань был наслышан о дурной славе Лу Юня, хотя и покинул деревню ещё в одиннадцать лет, когда уехал учиться в волостную школу.

Этому Лу Юню было около сорока. Ростом он не вышел, зато лицо имел длинное — настоящая лошадиная морда. Огромная чёрная родинка у левой брови сразу бросалась в глаза, придавая ему разбойничий вид. Мало того что уродлив, так ещё, поговаривали, страдал от какого-то постыдного недуга, из-за которого не мог жениться, а потому на весь белый свет смотрел волком. Чего бы он ни захотел — если не давали добром, шёл грабить, не мог пересилить — поднимал скандал. И всегда выставлял себя жертвой: мол, все его, бедолагу, обижают, а он в свои годы бобыль бобылем. Ни земли, ни пашни, ни родителей, ни детей. Типичный сорвиголова, которому терять нечего — такой и императора с коня стащит. В деревне его все обходили стороной.

Едва Лу Юнь увидел Чжоу Маня, идущего в компании старосты и какого-то незнакомого юнца, он криво усмехнулся, даже не пытаясь скрыть враждебность:

— Что, счёты пришли сводить? Я ещё не выставил тебе счёт за ту еду, которой тебя, щенка, подкармливали, чтобы ты до своих лет дожил! Сам бамбуковую рощу забросил, ресурсы зря пропадают, а другим заработать не даёшь. Совсем совести нет!

У Дун, услышав это, вспыхнул от негодования. Пусть Чжоу Мань годами пропадал на учёбе, роща принадлежит ему. И если хозяин её не трогает, это не даёт права постороннему лезть туда без спроса. Да этот наглец ещё и обвинять вздумал! Староста уже открыл было рот, чтобы осадить хама, но Чжоу Мань опередил его, ответив спокойным, размеренным тоном:

— Всё верно, дядя Лу Юнь. Я как раз пришёл свести счёты.

У Дун оторопел: неужели тот решил лезть на рожон? Он уже хотел вмешаться и разрядить обстановку, но кто-то легонько потянул его за рукав. Обернувшись, он увидел того самого паренька, что пришёл с Чжоу Манем. Тот вполголоса произнёс:

— Уважаемый... в общем, не волнуйтесь. Чжоу Мань знает, что делает. Просто смотрите.

Ин Фэйчи хоть и не понимал до конца, о чём лопочет этот грубиян, но за версту чуял в нём повадки базарного задиря. Уверенность в голосе Чжоу Маня убедила его, что тот справится сам. Видя, что добродушный староста рвётся в бой, Ин Фэйчи решил его придержать.

У Дун не знал Ин Фэйчи, но раз тот пришёл с Чжоу Манем, значит, человек свой. Послушавшись совета, он замолчал.

— И как же ты, сопляк, собираешься со мной считаться? — Лу Юнь постучал трубкой о порог и зычно проорал: — Рощу расчистил я, так что побегу мои, и никому я их не отдам!

— Вот и славно, я как раз собирался сдать рощу в аренду, — улыбнулся Чжоу Мань. — У меня есть два варианта. Первый: работаем на доле. Роща остаётся за тобой, но пятую часть выручки с продажи бамбука ты отдаёшь мне. Если продать не успеешь — считаем по рыночной цене на день сбора. Второй вариант: платишь вперёд. Рассчитываем средний урожай с куста за прошлый год, умножаем на цену и отдаёшь мне ту же пятую часть от общей суммы. Дядя У Дун, сколько в прошлом году в среднем давал один куст? И по чём принимали сушёные побеги?

— В прошлом году с куста выходило по двадцать цзиней сушняка. Продавали по юаню тридцать фэней за цзинь.

— Ага, значит, с куста — двадцать шесть юаней. Будем считать по пять юаней за долю, — Чжоу Мань достал пачку бумаг и с вежливой улыбкой уточнил: — Дядя Лу Юнь, какой вариант выбираете? Первый или второй?

— Что?! Пять юаней с куста?! — Лу Юнь подскочил как ошпаренный, тыча пальцем в лицо Чжоу Маню. — Да ты просто грабитель!

— Значит, ни один из вариантов не подходит? — Чжоу Мань плавно сместился в сторону, уходя от чужого пальца. — Что ж, тогда остаётся третий путь: ты просто батрачил на меня. За расчистку рощи полагается три юаня за смену. Кстати, дядя У Дун, сколько моих рощ дядя Лу Юнь успел обработать? На сколько смен тянет?

У Дун, не понимая, к чему клонит парень, честно ответил:

— Он на плато Лунцзянпин копошился, кустов десять-двенадцать. Смена с половиной выйдет, не больше двух.

— Значит, четыре с половиной юаня, — Чжоу Мань продолжал добродушно улыбаться. — Ну так как, дядя Лу Юнь? Заплатишь мне по пять юаней за куст или заберёшь свои четыре пятьдесят за работу?

— Ничего я не выберу! — Лу Юнь окончательно вошёл в раж, выпятив челюсть. — Рощу я открыл, значит, она моя! Побегии мои, и никто их не получит! Денег захотел? Перебьёшься!

— О, тогда остаётся только четвёртая дорога, — констатировал Чжоу Мань и повернулся к старосте: — Дядя У Дун, самовольный захват чужой рощи — это ведь нарушение деревенских правил? По договору он не только побеги забирать не имеет права, но и должен отсидеть в сельсовете пять суток, верно?

— Ну, вообще-то да... — замялся У Дун. Вот только кто рискнёт скрутить Лу Юня?

— Это ты меня в сельсовет упечь вздумал? — Лу Юнь так и зашёлся от хохота. — Не

хвастовства ради скажу: в Гуаньцзяне нет никого, кто бы со мной сдюжил.

— Неужели? — невозмутимо отозвался Чжоу Мань. — Тогда не обессудь, дядя Лу Юнь.

Слова ещё не затихли, как он молниеносно сократил дистанцию. Лу Юнь попытался отмахнуться трубкой, но Чжоу Мань ушёл в сторону, оказавшись у него за спиной. Короткий, точный удар под колено заставил громилу вскрикнуть, а одновременно с этим он нажал на болевую точку в локтевом сгибе. Лу Юнь взвыл, ноги его подкосились, и он рухнул на колени. Не давая ему опомниться, Чжоу Мань ловко заломил ему руки за спину, вытянул из-за пояса пластиковый шнур и намертво скрутил врага.

Рывком вздёргнув его за плечи, он спокойно произнёс:

— Пойдёмте, дядя Лу Юнь.

— Ты, выродок! Ах ты собачий хвост! — разразился проклятиями Лу Юнь. — А ну развяжи меня! Попробуй только не отпусти — я тебе до конца жизни покоя не дам! Пусти, гад!

Чжоу Мань, не обращая внимания на трепыхания, просто толкал его вперёд, попутно окликнув онемевшего старосту:

— Дядя У Дун, ну чего же вы? Идёмте.

— А? — Староста пришёл в себя, глядя на Чжоу Маня с изрядной долей опаски. Парень-то вроде не из богатырей, а в мгновение ока скрутил главного деревенского смутьяна, с которым никто связаться не смел. У Дун семенил следом, гадая про себя: если они действительно запрут Лу Юня, не припомнит ли тот ему это потом?

Чжоу Мань же шёл как ни в чём не бывало. Поняв, что Лу Юнь не затыкается, изрыгая самые грязные ругательства, и боясь, что тот дурно повлияет на следующего за ними Ин Фэйчи, он просто стянул с головы платок, скомкал его и заткнул нагледу рот.

Было около десяти утра. Люди возвращались с полей, женщины несли бельё к реке. По пути к сельсовету им постоянно попадались односельчане, которые так и застывали на месте от удивления.

— Батюшки, А-Мань? Ты когда это вернулся?

— Да вот, на днях. Буду в начальной школе учителем работать.

— Учителем — это дело хорошее, уважаемое! А что за паренёк с тобой?

— Однокурсник мой. Семья от него отказалась, вот и приехал ко мне жить.

— Ох, бедолага! А с Лу Юнем-то что стряслось?

— Да вот, дядя Лу Юнь самовольно мою рощу захватил. Я ему и так, и эдак: мол, давай я тебе за работу заплачу, а он ни в какую — подавай ему чужую собственность. Пришлось по правилам в сельсовет вести, на исправление. А чтобы дорогу проклятиями не оглашал, пришлось рот прикрыть.

— Ишь ты... — Женщины с вёдрами в руках смотрели на Чжоу Маня с восхищением, смешанным с неприкрытым злорадством. Сами в спор вступать побоялись бы, но поспешили домой, чтобы разнести эту невероятную новость по всей округе.

Лу Юнь готов был лопнуть от ярости, но кляп надёжно хранил тишину. Старик только багровел лицом да пыхтел, едва не теряя сознание от нахлынувшей злобы.

На этом Чжоу Мань не остановился. Дорога к сельсовету пролегла через поля и реку, и он притормаживал возле каждого встречного, вежливо разъясняя ситуацию: мол, так и так, Лу Юнь нагло отобрал рощу, пришлось применить силу, иного пути не осталось.

Деревенские мужики, чьи характеры были попроще, даже хвалили парня:

— Мы впятером с этим бугаём не справлялись, а ты его в одиночку скрутил. Силён, учитель, ничего не скажешь!

— Да пустяки, — скромничал Чжоу Мань. — В пединституте с друзьями парой приёмов перекинулись, вот и пригодилось.

Лу Юнь, услышав это, вновь зашёлся в немой ругани. Так вот оно что! Потому-то он так ловко за спину нырнул и на болевые точки нажал — учился, значит! От этой мысли его пробрал холодный пот. Если парень одним движением его уложил, то пришибить его для такого мастера — раз плюнуть. Будь Чжоу Мань покруче нравом, лежать бы Лу Юнью сейчас в канаве...

Чем больше он об этом думал, тем сильнее становился страх. Кажется, на этот раз он налетел на скалу.

Сельсовет располагался в сотне метров от школы и представлял собой двухэтажный деревянный дом. Внутри была каморка без окон — та самая «чёрная комната», служившая местным карцером.

Чжоу Мань втолкнул Лу Юня внутрь, вытащил кляп, развязал верёвки и, отшвырнув их Ин Фэйчи, резким и коротким ударом отправил рванувшегося было на него в угол.

— Кха... — Лу Юнь закашлялся, в глазах потемнело, изо рта выплеснулась кислая желчь.

Чжоу Мань подошёл ближе и, присев на корточки, прошептал ему на ухо с ледяной пронзительностью:

— В твои годы пора бы уже остепениться. Запомни: теперь в Гуаньцзяне заправляю я. Ещё раз увижу, что обижаешь слабых — спущу шкуру, и сделаю это так изящно и по закону, что вся деревня мне ещё и рукоплескать будет. Усёк?

Лу Юнь, которого впервые в жизни так крепко приложили, только испуганно закивал:

— Усёк, усёк! Не бей больше!

Удовлетворённо улыбнувшись, Чжоу Мань поднялся, захлопнул дверь и повернул ключ, который тут же передал У Дуну. Не забыл он и поблагодарить старосту:

— Дядя У Дун, спасибо огромное. Без вашей поддержки я бы и не знал, что делать.

— Да что ты такое говоришь! — Староста улыбнулся, хотя и вышло это несколько натянуто. — Я же просто рядом стоял.

— Ваша аура придавала мне веса, — мягко заметил Чжоу Мань и откланялся: — Дядя У Дун, у нас ещё дела. Вернёмся в школу. А Лу Юня выпустите, когда срок выйдет, чтобы никто не подумал, что вы с такими, как он, заодно.

«Я с этим старым пройдохой заодно?» У Дун тут же заверил:

— Будь спокоен, А-Мань. Ни минутой раньше срока этот бездельник воли не увидит!

— Разумеется, я вам полностью доверяю.

Чжоу Мань взял Ин Фэйчи за рукав, и они неспешно зашагали обратно к школе. Впереди было ещё много дел.

<http://bllate.org/book/17459/1693327>